

Почему и кто атакует атомную промышленность

ПРОБЛЕМА

«В организованной кампании против нас виден след газонефтяного комплекса», — убежден министр по атомной энергии России Виктор МИХАЙЛОВ.

Он известен как опытный профессионал, умелый лоббист отрасли, неуступчивый спорщик. Возможно, именно своей жесткой позицией, не подверженной конъюнктурным колебаниям, Михайлов снискал уважение на Западе, хотя там к уважению применяется доля настороженности. Сам себя называет «ястребом». В интервью с Владимиром ОРЛОВЫМ министр сделал и ряд других сенсационных заявлений.

провели операцию «Сапфир» тайно. Боялись России, Ирана или Ирака? Это смешно.

— Но ведь часто говорят: ядерными материалами из Казахстана хотят завладеть некоторые ближневосточные режимы...

— Чушь! Ни одна страна не сможет из контрабандного материала изготовить ядерную бомбу. Для этого нужна большая, я бы сказал, громадная промышленность. Создать комплекс по добыче и переработке — это только пятая часть пути. Есть еще четыре пятых пути, чтобы создать атомную бомбу. Не может страна стать ядерной державой без такого полного комплекса.

ЗАПРЕЩЕНИЯ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВОВ В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

— Появилась информация, что России не устраивает идея всеобщего запрещения всех видов ядерных взрывов, которая сейчас обсуждается на переговорах в Женеве.

— С одной стороны, запрещение ядерных испытаний — важный шаг на пути к ядерному разоружению, с другой — накопленные ядерные арсеналы требуют постоянного поддержания, особенно в области их безопасности. А для этого, естественно, нужны ограниченные ядерные испытания небольшой мощности. Это военный аспект. Что касается «мирного» аспекта, то пока большого экономического эффекта эти взрывы не принесли.

— Вместе с тем с помощью ядерных взрывов можно создавать полости для захоронения отходов химической, нефтегазовой промышленности, радиоактивных отходов, чтобы максимально снизить их негативное воздействие на экологическую обстановку. Исходя из этого, лично я считаю, что запрещения ядерных взрывов в мирных целях быть не должно. Для меня это не вопрос. Запретить «все» было бы слишком просто. Вместо этого необходимо сообща решать вопросы о механизме проведения таких экспериментов, а также контроля над ними. Я вообще плохо верю в запреты в науке. Ученые все равно будут продолжать работать, и если появится проект, интересный для развития всего человечества, разве можно его запретить?

— Будет ли Россия выдерживать мораторий на ядерные испытания? Китайцы продолжают взрывы, из-за этого есть трудности на женеvских переговорах. И вы сами как-то говорили, что «два-три ядерных взрыва в год для России просто необходимы».

— От своих слов не отказывалось. Но думаю, что у нас должна быть выдержка. Это особенно важно в преддверии конференции по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия.

чает: «Нам нужно выявить возможные каналы». Я ему на это сказал: «Вы же понимаете, что это настоящая провокация». Несколько человек у них сейчас уже под следствием, будут судимы: это чернорабочие, слесари, монтажники. Они принесли пробную партию, получили доллары и не успели дойти до дома и порадовать близких, как им скрутили руки, отобрали доллары, посадили. А перед этим сотрудники получают повышение в звании. Конечно, у каждого ведомства могут быть свои способы и методы, но не такие же! Я собрал местную общественность и сказал: «Сообщите всем, что вы до магазина не успеете дойти и купить бутылку водки, как у вас отберут все деньги и арестуют».

«ГРИНПИС» ФИНАНСИРУЕТСЯ НА НЕФТЕДОЛЛАРЫ?

— Не тот ли самый метод был обкатан немецкими спецслужбами в Мюнхене в августе 1994 года?

— Действительно. Вроде бы немцы нашли плутоний. Вроде бы он прибыл рейсом из Москвы. Дальше начинается непонятное. Россия на анализ захваченный в Мюнхене материал не дала. А ведь каждый завод имеет свое «лицо», легко определяемое по количеству «лишних» изотопов в материале.

— То есть у каждого предприятия можно взять отпечатки пальцев, и потом его продукцию ни с чьей другой не спутаешь...

— Именно. Почему же тогда Россия материал на проверку не дала, а дала в Лос-Аламос, в Национальную лабораторию США? Но даже там дали ответ, что это не оружией-

ный материал, а смешанное ураноплутониевое топливо. Потом отдали захваченное вещество на анализ в МАГАТЭ, и анализ показал, что материал не российской происхождения. Шум стал незаметно утихать. А что было до этого? И Коль делал заявления, и Шмидбауэр приезжал. Может быть, здесь такой подтекст: показать, что Россия не способна справиться со своим ядерным промышленным комплексом, следовательно, его надо взять под контроль Западу?..

— А не более ли вероятно такая прозаическая причина, как экономическая конкуренция?

— Не исключаю. Я уже говорил, что на мировом ядерном рынке конкуренция ужесточается. Россия твердо продвигается, например, в Китае, в Иране. Потребителям наш уран нравится: он и чище, и дешевле, чем американский, у нас лучшие в мире технологии его обогащения.

Наконец пришло время сказать откровенно: в кампании против российской атомной промышленности виден след газонефтяного комплекса... Надо ли говорить, насколько мощные лоббисты действуют в его интересах. Я, например, не удивлюсь, если узнаю, что тот же «Гринпис» финансируется в том числе на «нефтедоллары». В Европе такая атака отрасли удалась. Более прочные позиции атомная энергетика продолжает удерживать и завоевывать в Японии, Северной и Южной Корее, Китае, Индии, странах Ближнего Востока, странах Латинской Америки и Карибского бассейна. То, что названные регионы скло-

няются в пользу активного развития ядерной энергетики, также раздражает лоббистов от нефтегазовой промышленности. Не через них ли к журналистам попадают некоторые «разоблачения» о «ядерной контрабанде», которые затем оборачиваются обыкновенными «утками»?

— Знали ли вы о готовящейся операции «Сапфир» по продаже казахстанского урана Соединенным Штатам?

— Мы прекрасно знали, что за материал находился в Казахстане, нам его когда-то предлагали. Но мы отказались, потому что у нас такой материал есть. И вдруг Соединенные Штаты дали этой обыденной операции громкое название «Сапфир», затем протрубили о ней на весь мир, провели помпезную пресс-конференцию с участием трех министров... Министры заявляли о том громадном взносе, который операцией «Сапфир» США сделали в дело нераспространения ядерного оружия и технологий. Конечно, мы знаем, насколько США помогают Казахстану, Украине в вопросах демонтажа и уничтожения пусковых установок, и уважаем эту помощь. Однако за пропагандистской волной нельзя забывать, что эта помощь — мелочь по сравнению с тем, что делает Россия в том же направлении. Для России демонтаж ядерного оружия, вывезенного из Украины и Казахстана, обойдется примерно в два-три миллиарда долларов. А американцы дают Украине и Казахстану где-то в районе сотни миллионов долларов. Это лишь десятая часть затрат России. К тому же я не понимаю, почему американцы

Ядерный контроль: первый тайм

люционным здесь является то, что решение о его ремонте инициировали не операторы реактора из «Курчатовки», а правительственная организация по ядерному регулированию — Госатомнадзор (ГАН), получающий все более широкие полномочия от президента Ельцина. Именно ГАН по причинам безопасности закрыл на капитальный ремонт расположенный в густонаселенной части Москвы реактор. Но что более важно, ученые Института Курчатова, одного из основных научно-исследовательских центров России, известного своей независимостью и широким доступом к московским коридорам власти, подчинились этому решению.

Другим примером контрольных функций ГАН послужило замораживание на полгода одного из направлений деятельности Научно-исследовательского института неорганических материалов. Отдел ядерного топливного цикла ГАН приобрел к этой мере после того, как было установлено, что в упомянутом исследовательском центре не обеспечивается должный уровень безопасности чувствительных

ядерных материалов, более чем достаточных для создания одной ядерной бомбы. Тем не менее контроль над этими ядерными лабораториями лишь относительное достижение ГАН и отнюдь не абсолютное свидетельство его независимости. На наш взгляд, куда более серьезная цель — осуществление контроля над деятельностью Министерства по атомной энергии.

Хотя еще не было прецедентов закрытия ГАНом — по причине нарушений норм безопасности или хранения — каких-либо крупных ядерно-оружейных установок Минатом, теперь это может произойти в любой день.

Так, ГАН отказал в выдаче операционной лицензии Научно-исследовательскому институту химической технологии Минатом и заставил временно приостановить деятельность атомной электростанции Минатом под Санкт-Петербургом. Более того, после сообщений о контрабанде российского плутония в Германию прошлым летом Борис Ельцин выбрал именно ГАН в качестве структуры, отвечающей за осуществление усиленного контроля над запасами оружейных ядерных

материалов России, большая часть которых находится на установках Минатом.

Понадобится несколько лет для того, чтобы эта организация смогла ввести в действие стандарты по обеспечению безопасности и защиты от хищений ядерных материалов, которые стали бы обязательными для Минатом. На вопрос, имеет ли ГАН подробные инвентарные списки ядерных запасов Минатом (без которых процедуры учета и контроля ядерных материалов теряют смысл), представитель ГАН признался, что его организация еще не скоро получит исчерпывающие данные подобного рода.

На ГАН возложена также ответственность за безопасность ядерного оружия, находящегося в руках Министерства обороны, а также за безопасность реакторов ядерных подводных лодок. Тем не менее его сотрудники не торопятся выполнять эти полномочия. Столкнувшись с жестким сопротивлением со стороны российских военных, ГАН решил пока сосредоточить свое основное внимание на усилиях по обеспечению безопасности АЭС и сохранности ядерных материалов,

а не на готовых продуктах, таких, как, собственно, ядерное оружие.

И все-таки ГАН уже многого добился. Комиссия по ядерному регулированию США никогда не получила власти над американскими установками по производству ядерного оружия, не говоря уже о самом ядерном оружии. ГАН положил начало установлению и соблюдению стандартов ядерной безопасности в одной из наиболее закрытых и политизированных сфер, где закон пока еще традиционно уступает место политической целесообразности.

Леонард СЕКТОР,
Андрей ЗОБОВ

Материалы полосы любезно предоставлены редакцией журнала «Ядерный контроль». Они печатаются в сокращенном варианте. В полном виде эти и другие статьи будут опубликованы в февральском номере «Ядерного контроля», издаваемого Центром политических исследований в России (Центр ПИР). Полосу подготовили Людмила БАЛАНДИНА и Владимир ОРЛОВ.

— Виктор Никитович, не секрет, что учет, контроль и физическая защита ядерных материалов находятся пока на уровне ниже требуемого.

— Что касается ядерно-оружейных материалов, то система их учета и хранения обеспечивает безусловную, подчеркиваю, безусловную их сохранность. Материалы никуда «утекать» не могут. Хотя проблемы, конечно, остаются.

ЯДЕРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ «ВОРУЮТ» СОТРУДНИКИ МВД

Первая проблема: требуется строительство более качественных хранилищ. У нас имеется соглашение с США о строительстве хранилищ, в том числе и о проектировании их. Правда, американцы, выделив на этот проект 15 миллионов долларов, 14 миллионов долларов взяли себе и только 1 миллион отдали нам. Вместе с тем над этим проектом на девять десятых работают российские проектные организации. Американцам наши проекты понравились, себе они будут строить новые хранилища по нашему проекту, так как мы делимся с ними документацией.

Вторая проблема: контейнеры. У нас с США имеется соглашение и на этот счет. Контейнеров нам нужно порядка ста тысяч. А сегодня мы изготавливаем до 10 тысяч контейнеров в год.

Особняком стоит вопрос о низкообогащенном уране (до 20 проц. по изотопу 235). Этого урана мы изготавливаем ежегодно достаточно много: для всех наших атомных станций, для стран Восточной Европы, для Финляндии... Режим работы и система учета, конечно, здесь отличаются от правил в ядерно-оружейном комплексе. Но тут вступают в силу законы рынка. Такой уран можно и нужно продавать. А тому, кто купит, еще бесплатно дадим большое количество в качестве премии за такую покупку, потому что на этом рынке пробиться очень сложно.

— Но ведь известны случаи хищений урана: Электросталь, Подольск, Глазов...

— Воруют в основном провокаторы. Я недавно вернулся с Челябинского механического завода. Там у них хранится более сотни тысяч тонн отходов — отходов производства после извлечения урана-235, цена которых на мировом рынке — считанные доллары. И вдруг приходят таинственные люди и предлагают рабочим по 10, по 100 тысяч долларов за килограмм вместо одного-пяти долларов. Естественно, соблазн может возникнуть.

— Кто эти, как вы говорите, провокаторы?

— Сотрудники МВД. Я задал вопрос министру МВД Удмуртии: «Почему вы так делаете?» Он отве-

КОММЕНТАРИЙ

Авторы — известные специалисты в области ядерного нераспространения из Фонда Карнеги — посвятили свой комментарий противостоянию двух «ядерных» ведомств России — Минатом и Госатомнадзора.

Если вы посетите Институт Курчатова в Москве, как это сделали мы несколько недель назад, советуем обратить внимание на теплообменник на полу здания реактора ИР-8. Одна из ведущих западных газет написала о нем в весьма позитивном стиле: «Как упавшая статуя Ленина, этот набор металлических труб в алюминиевом цилиндре размером один на три фута повествует историю революции».

Цилиндр, являющийся основной частью реактора ИР-8, лежит на полу в ожидании ремонта. Так что на взгляд непосвященного трудно понять, о какой «революции» идет речь. Посвященный уточнит: репо-